

УДК 316.455
DOI 10.17223/19988613/37/17

С.А. Иванов

КИТАЙСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР ЭТНИЗАЦИИ ГОРОДОВ И СЁЛ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 14–31–01253 «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России (1987–2013 гг.)».*

Рассматривается вопрос, стимулирует ли китайский капитал мобилизацию этничности в Приморье. Исследование фокусирует внимание на трех категориях китайских предпринимателей в Приморском крае: мелких торговцах на рынках, представителях малого бизнеса, представителях среднего и крупного бизнеса. Сделан вывод, что ни одна из социальных групп не проявляла интереса или не была в состоянии на долгосрочной основе войти в политическое или культурное пространство региона, обменивать экономический капитал на повышение своего социального статуса в России.

Ключевые слова: этнизация; китайская община; диаспора; Приморский край; социальное пространство.

Близость к КНР, присутствие китайских торговцев или рабочих, особые трансграничные экономические связи формируют благоприятную среду для мобилизации китайской этничности в социальном пространстве городов и сёл Приморья. Эти факторы нередко порождают представления о возможной китаизации российского приграничья (под «китаизацией» понимается манифестация китайской этничности в публичном пространстве [1. С. 211–212]). Реальность, однако, далека от этого. В силу значительной мобильности китайские мигранты не сформировали диаспору на Дальнем Востоке [2. С. 156]. Для приграничья и России в целом не свойствен и такой феномен, как чайнатауны [3, 4]. Частые упоминания о китайской общине в информационном пространстве Приморья явно не соответствуют уровню ее активности и институализации [5. С. 134]. В городском и тем более сельском пространстве Приморья отсутствуют массовые и системные признаки китаизации. Их настолько мало, что ученые по крупицам фиксируют публичные действия китайской общины на Дальнем Востоке, пытаясь найти хоть какие-то признаки её диаспоризации [6. С. 41].

Цель исследования – ответить на вопрос, стимулирует ли китайский капитал мобилизацию этничности в Приморье. Китайские предприниматели были выбраны в качестве объекта исследования по следующим причинам. Их массовая миграция в 1990–2000-е гг., относительно продолжительное время пребывания и устойчивые позиции в экономическом поле российского приграничья гипотетически давали возможность реализовать накапливаемый экономический капитал в культурной или политической сфере. Более того, хозяйственная деятельность всегда требовала либо формирования развитой этнической сети, либо особых механизмов интеграции в принимающее сообщество, а часто – и того и другого. Другая многочисленная группа китайских мигрантов в РФ – рабочие, приглашаемые китайскими или российскими предпринимателями на незначительный срок, – были лишены экономических ресурсов и в принципе не нуждались в установлении широкой этнической

сети, так как их базовые потребности обеспечивались внутри конкретного предприятия.

Китайские предприниматели в Приморье, как и в целом в России, безусловно, не составляли однородную массу. Мы не можем отождествлять торговцев на розничных рынках, хозяев китайских ресторанов и гостиниц, владельцев крупных производственных или сельскохозяйственных предприятий. Они разнятся не только размерами вложенного капитала, но и степенью интеграции в принимающее сообщество, важностью этнических связей в их хозяйственной деятельности. В связи с этим статья разделена на несколько частей. В первом и втором разделах я попытаюсь дать общую оценку опыту актуализации этничности мелкими торговцами на рынках (на примере Уссурийска) и владельцами малых предприятий во Владивостоке. В них эмпирической базой станут существующие исследования, материалы прессы и полевые наблюдения. Третья часть будет посвящена изучению средних и крупных китайских предприятий и их роли в китаизации социального пространства сёл и пригородов Приморского края. Раздел полностью основан на социологическом материале, включающем серию полуструктурированных интервью с чиновниками (20 интервью с 25 интервьюируемыми), представителями бизнеса (11) и местных СМИ (6) продолжительностью от 30 до 70 минут, беседы с жителями сёл и полевые наблюдения. Указанные данные были собраны в рамках исследовательского проекта «Государство и китайский капитал на юге Дальнего Востока России», начатого весной 2014 г., который не предполагал глубокого изучения вопросов этничности или миграции, но неизбежно затрагивал их. Иногда интервьюируемые самостоятельно стремились перенести фокус интервью на миграционную повестку и проблемы межэтнических отношений, что было связано не столько с её актуальностью, сколько с наличием чёткой позиции респондентов по этой проблеме.

Китаизация рынков. Феномен китайских рынков изучен недостаточно полно [7. С. 137], но в сравнении

с другими формами экономической активности китайцев в России он привлек наибольшее внимание специалистов. В Приморье эти рынки практически не описаны (нам известна лишь публикация Д. Тренина и Г. Витковской о китайском рынке в Уссурийске второй половины 1990-х гг. [8]), хотя их можно найти в любом крупном городе региона.

Наши попытки летом 2014 г. выйти на руководство крупнейшего китайского рынка в Приморье, расположенного в г. Уссурийске, не увенчались успехом. Официальной причиной отказа в интервью стало то, что рынок никак не связан с иностранным капиталом и предоставляет в аренду торговые площади юридическим или физическим лицам, официально зарегистрированным в России. Вежливый отказ секретаря подтверждается названием торговой зоны – «Универсальный торговый центр». Однако стела на въезде всё же выдаёт её инаковость через визуальное изображение государственного флага Китая и России.

Неофициально уссурийский рынок, как и все «китайские» рынки, предполагает наличие активной теневой жизни. По крайней мере, во второй половине 2000-х гг. значительная её часть всё ещё строилась на этнических связях, в чём мне удалось убедиться на личном опыте, выполняя один из заказов на устный перевод на его территории. Не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что эти связи никогда не эксплуатировались китайцами для мобилизации этничности в городском пространстве и были направлены исключительно на воспроизводство позиций в занятой когда-то нише городской экономики. Мы можем предложить лишь примерный набор причин, объясняющих такую пассивность китайских торговцев: высокая мобильность большей части предпринимателей, малые объёмы располагаемого капитала, сохранение прочных связей с Китаем и, как следствие, отсутствие стимулов к борьбе за повышение своего социального статуса в России. У китайского челнока миграция изначально являлась частью предпринимательской деятельности и не предполагала закрепления в принимающем сообществе [9. С. 65]. Возможно, определенная часть таких коммерсантов «оседала» в России, но это явление не носило массового характера и осталось незамеченным российским обществом.

Отсутствие этнических манифестаций со стороны мелких торговцев не означает, что китайские рынки с 1990-е гг. не сформировали у местных жителей устойчивых представлений об активной китаизации городского пространства. До сих пор рынок воображается как точка формирования альтернативного, чужого города: *«Китайские рынки цветут и пахнут. Там уже целые города понастроили с гостиницами и ресторанами. Поэтому там все хорошо. Китайцы каким-то образом в большом количестве легализуются»* (интервью, представитель местных СМИ, Уссурийск, июль 2014 г.). Не случайно осенью 2009 г. информационная «утка» о намерении администрации Владивосто-

ка передать в аренду Китаю часть города [10], где находились три крупнейших «китайских» рынка, выглядела очень правдоподобно даже в глазах местных жителей.

Китайские рынки в России обычно оцениваются как исключительно этнический экономический феномен, при этом не учитывается «некитайская» администрация рынка, контролирующая государственные и криминальные структуры. Их роль в функционировании рынков редко анализируется (такой комплексный подход можно найти в публикации В.И. Дятлова и Р.Э. Кузнецова [11]). В одном из интервью редактор уссурийской газеты, который ранее проводил журналистское расследование теневой стороны жизни китайского рынка и его влияния на городскую экономику, описывал рынок как что-то, однозначно имеющее отношение к китайской деловой активности. Однако при погружении рассказа в детали всплывали не китайские имена и названия, а исключительно российские и корейские («русских» корейцев) фамилии (интервью, представитель СМИ, Уссурийск, июль 2014 г.). На самом деле китайский рынок давал ресурсы проникновения в политическую жизнь города, но не этническим китайцам, а гражданам РФ. В составе уссурийской городской думы с 1990-х гг. всегда присутствовали депутаты, вышедшие из администрации рынка – ООО «Уссури-Центр». Текущий созыв законодательного органа – не исключение [12]. Не могли ли в этом случае субъекты, чей политический и экономический капитал зависел от китайских рынков, накладывать ограничения на этнические манифестации на рынках? Подобные вопросы показывают, насколько мало мы знаем о функционировании этнических сетей на китайских рынках. Ещё с начала 1990-х гг. китайские рынки породили у местного населения устойчивые ассоциации китайцев и их культуры с антисанитарией, практиками договорной торговли и низкокачественным ширпотребом. Хотя давно замечено, что культура базарной договорной торговли не имеет этнической специфики [13. С. 13–41].

За последние пять лет мне не раз приходилось разубеждать торговцев в магазинах или обслуживающий персонал в общественных заведениях в их уверенности, что сопровождаемый мной пекинский, шанхайский или харбинский профессор – японец. Повидимому, эти же самые представления вряд ли позволят китайским торговцам в одночасье отказаться от договорных цен, так как посетители рынков уверены, что на китайской части рынков всегда можно «торговаться» [14. С. 120–135].

Китайские пионеры в публичном пространстве Владивостока. Единственная социальная группа, которая пыталась консолидировать китайское сообщество Приморья, была представлена малыми предпринимателями Владивостока. Руководители небольших внешнеторговых организаций, ресторанов китайской кухни и гостиниц нередко обладали связями с китайскими чиновниками, необходимыми финансовыми ресурсами и тем самым «человеческим капиталом», ко-

торый так необходим для проникновения в публичную сферу. Члены этой социальной группы постоянно проживают в Приморье с начала 1990-х гг., нередко находятся в смешанных браках, некоторые имеют российское гражданство.

Впервые эта прослойка китайского сообщества во Владивостоке вышла в публичное пространство региона в 2000 г. С этого года предприниматель Сюэ Хуэйлинь стал издавать на русском и затем китайском языке газету, которую, по его же словам, «поддерживала дальневосточная китайская диаспора» [15. С. 37]. Нам не известно, в чём именно выражалась эта поддержка, но предприниматель самостоятельно наполнял её содержание, занимался вёрсткой и изданием.

Через несколько лет появились первые общественные организации, объединяющие китайских бизнесменов Приморья. В 2004 г. были учреждены сразу две подобные структуры – Ассоциация китайских предпринимателей Приморья (далее Ассоциация) и Союз российско-китайских предпринимателей Приморья. Их костяк был неизменен – уже упоминавшийся нами Сюэ Хуэйлинь, владелец сети ресторанов во Владивостоке Сунь Лэй и предприниматель Сунь Ли. Организации оказывали консалтинговые и юридические услуги китайским предпринимателям, хотя оценить эффективность этой работы не представляется возможным. В публичном пространстве Приморья Ассоциация известна лишь проведением ежегодных чествований ветеранов Владивостока.

Жизнь вышеуказанных организаций и органов печати не продлилась более десяти лет: и газета «Восточный мост» (2010), и «Союз российско-китайских предпринимателей Приморья» (2007), и Ассоциация (2014) канули в Лету. Им на смену ничего не пришло, хотя каждый из предпринимателей продолжил прежний бизнес или открыл новый. Газета была закрыта из-за убыточности [Там же]. Общественные структуры, скорее всего, стали не нужны их инициаторам, а без них они не могли существовать из-за организационной рыхлости. Например, за год до самоликвидации Ассоциация состояла из 20 членов и по внешним признакам не имела иерархии и отдельного бюрократического аппарата: помимо руководителя все её остальные члены являлись заместителями [16]. Один из основателей в конце 2000-х гг. так оценивал деятельность этих НКО: «Китайцев много, но все по отдельности. Здесь пытались, я даже пытался создать [общественную организацию]. Некоторые люди (своим составом) собираются постоянно, но они тоже не общаются с другой частью китайцев. Поэтому, как таковой, диаспоры организованной здесь нет» (цит. по: [17. С. 166]).

Ситуация в Приморье очень сильно напоминает опыт китайских общественных структур в Амурской области: «*Формальных организаций (китайских НКО в Благовещенске. – С.И.) нет. Были попытки создать, но это, скорее, были псевдо-структуры, из одного-двух*

человек» (интервью, руководитель деловой общественной организации Амурской области, Благовещенск, май 2014 г.). Очевидно, утверждение, что «в крупных городах за Уралом существует по несколько китайских общественных организаций» [2. С. 158], к настоящему времени утратило свою актуальность или, как минимум, требует постоянной проверки.

Уверенность российских СМИ в тесной связи китайского государства и предпринимателей не подтверждается различными источниками. Сюэ Хуэйлинь в интервью Л.Е. Козлову указывал: «Китайские дипломаты стараются не вмешиваться в диаспору, не вмешиваться в отношения между местными китайцами и обществом, не вмешиваться в политику местной власти. Короче, они сейчас делают своё офисное дело – и больше ничего» (цит. по: [17. С. 168]). Представитель одной из российских федеральных структур, тесно контактирующих с консульскими службами КНР, подтверждает вышесказанное: «*Если брать китайцев, то они в принципе ни к кому не обращаются, даже в хабаровское генконсульство и отделение во Владивостоке*» (интервью, представитель федерального органа, Владивосток, февраль 2015 г.). Китайский консул также утверждал, что у Владивостокского отделения отсутствуют устойчивые связи с местным бизнес-сообществом, и предполагал, что китайские предприниматели в случае необходимости, скорее всего, обращаются сразу в генконсульство КНР в Хабаровске (интервью, представитель консульской организации КНР, Владивосток, декабрь 2014 г.).

Этничность – не для крупного бизнеса? С середины 2000-х гг. действительностью Приморья стали так называемые «российско-китайские промышленные/торгово-экономические парки» и «сельскохозяйственные базы». Эти термины специально взяты в кавычки, так как в такой формулировке они в основном известны китайязычному сегменту информационного пространства. Обычно их создавали китайские предприниматели, ранее занимавшиеся оптовой приграничной торговлей (металл, древесина, продовольствие и т.д.) и решившие диверсифицировать активы. В сельском хозяйстве Приморья позиции средних и крупных предприятий с китайским капиталом (ПКК) очень крепки. Одно из них является крупнейшим агрохолдингом в Приморском крае. В сфере промышленности китайский капитал занимал свободные ниши и в настоящее время безраздельно там доминирует (производство обуви и одежды, паркетной доски). В своём анализе мы будем в основном опираться на опыт трёх таких ПКК. Эти компании официально зарегистрированы в России, работают «в белую» и сформировали холдинги, функционирующие сразу в нескольких отраслях экономики Приморья. Этим они сильно отличаются от множества малых фирм или тем более микропредприятий, не имеющих официального юридического статуса или хозяйствующих преимущественно в «тени». Их учредителями являются либо граждане

КНР, либо китайские компании (иногда с долевым участием российских бизнесменов), либо фирмы из оффшорных юрисдикций. Эти предприятия отличаются чётким зонированием пространства своей хозяйственной деятельности, которое также включает в себя всю инфраструктуру, необходимую для проживания трудовых мигрантов (общежития, столовые и т.д.).

Можем ли мы считать появление таких компаний предвестником китаизации социального пространства отдельных сёл и пригородов Приморья? Возможно ли образование «этносёл» или «этнопригородов» (ethno-burb) по примеру Лос-Анджелеса, на окраинах которого сформировались места компактного проживания и экономической активности китайцев [18]?

С одной стороны, можно с большой долей уверенности утверждать, что этого не произойдёт. Малое экономическое пространство сёл и пригородов в ближайшей перспективе не способно вместить того количества китайцев, которое необходимо для появления «продвинутых» форм этнизации: культурных клубов, китайскоязычных СМИ, этнических магазинов и банков. В 2014 г. каждый из рассматриваемых нами холдингов привлекал от нескольких сотен до тысячи трудовых мигрантов из КНР (о роли приморских компаний с китайскими инвестициями в импорте трудовых мигрантов из КНР см.: [19]).

С другой стороны, эти компании имеют значительные экономические ресурсы. В случае с сельскохозяйственными холдингами они неплохо интегрированы в локальные хозяйственные структуры, являясь, по выражению одного из управляющих ПКК, «градообразующими предприятиями в деревне» (интервью, управляющий филиала ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.). Можно ли в этом случае ожидать, что их экономические ресурсы будут вложены в манифестацию китайскости, пусть даже и в рамках небольшого пространства села или пригородной промышленной зоны? Это предположение в основном не оправдывается. Например, визуальные этнические маркеры проявляются разве что в иероглифах на входе промышленных парков, в одном из них – во львах-стражах и лозунгах о трудовой дисциплине и российско-китайском сотрудничестве на китайском языке, иногда с переводом. Массивные ворота, завезённые из КНР, но без национального колорита, мебель и утварь в простенных административных помещениях, ухоженные стриженные газоны и кустарники, бетонированные дороги внутри зон непривычны для российской действительности, но и не рожают ассоциаций с Востоком. Убрать иероглифы, львов – и наблюдатель, скорее всего, скажет, что в зонах воспроизведена современная производственная культура. Слова одного из управляющих ПКК о дизайне парков косвенно подтверждают, что владелец не стремился воспроизвести здесь этнические черты: «*N* (бывший управляющий, гражданин РФ. – С.И.), когда приехал (из КНР. – С.И.), показывал фотографии. Там фабрика, говорит, громаднейшая, террито-

рия вся в цветах, там рыбки плавают, бассейны, водоёмы. Ну и NN (владелец компании, гражданин КНР. – С.И.) водил по фабрике и говорит: “Вот я хочу, чтобы у нас такое всё было, в России, на нашей фабрике, чтоб была красота, мы там облагородим речку, там водоёмы пруды понаделаем – специально дорогу туда начали прокладывать”» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Инаковость изучаемых ПКК не проявляется в социальном и культурном пространстве сёл и городов. Китайские рабочие почти не покидают пределы зон, так как в этом нет прямой необходимости: помимо общежитий и столовых там есть вся базовая инфраструктура для жизни и отдыха – медпункт, элементарные тренажёры, баскетбольные кольца и т.д. Культурная жизнь соответственно также ограничивается пространством зон. Мы не можем судить о ней глубоко, так как в основном её качественные характеристики нам не известны. Косвенные данные свидетельствуют о её скудности. Например, «русские» управляющие знают о ней крайне мало, в принципе не соотносят кадровую политику с социальной и культурной жизнью подчинённых. Даже в наиболее крупном промышленном парке с наибольшим количеством трудовых мигрантов из КНР каких-либо специальных праздничных мероприятий для них не проводится. Иногда российское законодательство не позволяет отмечать их в китайской традиции: «*Не, здесь раньше фейерверки были, сейчас все это запретили уже. Ну, а таких* (гуляний. – С.И.) *нет... Тренируются, бегают, здесь зарядку делают*» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Наличие этнических связей между ПКК зависит от отрасли хозяйствования. Например, обувные предприятия, несмотря на бурное развитие с середины 2000-х гг., не оставили в китайском или российском информационном пространстве следов о попытках самоорганизации. Два крупнейших предприятия, работающих на расстоянии одного километра друг от друга и явно не конкурирующих друг с другом, не имели устойчивых связей просто потому, что между владельцами «кошка пробежала» (интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Между сельскохозяйственными ПКК Приморья существуют этнические связи. Они проявляются во взаимном обмене трудовыми ресурсами, передаче земель в субаренду, попытках выстраивать вертикальные производственные цепочки. Холдинги могут принимать в свой «состав» более мелких игроков на контрактной основе (интервью, управляющий ПКК-3, Приморский край, май 2015 г.). ПКК Приморья инициировали и возглавили в октябре 2012 г. некоммерческую организацию «Хэйлунцзянскую ассоциацию сельскохозяйственных предприятий в России» [20], но учреждена она в провинции Хэйлунцзян, соседнем с Приморьем регионе КНР, и в России формально не осуществляет деятельность. В её состав могут входить только ле-

гально работающие предприятия или индивидуальные предприниматели с хорошей репутацией, обрабатывающие не менее 500 гектаров в РФ [21]. Попечительский совет ассоциации представлен хэйлунцзянской бюрократией, курирующей внешнеэкономическую сферу.

Возникновение такой организации в Китае не связано с какими-либо экспансионистскими планами, хотя её участники ставят амбициозные планы превращения в основного сельхозпроизводителя Дальнего Востока РФ. Её появление также нельзя рассматривать и как реакцию на давление российского государства, так как в России эти предприятия не выступают с консолидированной позицией в публичном пространстве. Причина лежит в плоскости отношений этих предприятий с китайским государством. Крупные ПКК в Приморье зависимы от финансовых ресурсов, циркулирующих в государственном секторе КНР, поэтому консолидация предприятий и установление прочных личных и символических связей с хэйлунцзянской бюрократией необходимы, прежде всего, для лоббирования своих интересов в госструктурах или, как написано официально в уставе, внесение «предложения по разработке законодательных актов, выработке мер поддержки и программ развития совместной деятельности в сельском хозяйстве России» [22].

Кроме этого, некоторые владельцы изучаемых ПКК достаточно сильно включены в политическую систему Китая, являясь членами законодательных или консультативных органов. Таким образом, владельцы крупных ПКК, по крайней мере до настоящего времени, связывали свою жизнь и бизнес с Китаем, нежели с Россией, поэтому у них не может быть личного интереса в актуализации этнических связей за рубежом, кроме тех, которые непосредственно связаны с оптимизацией хозяйственной деятельности компаний.

Исследуемые нами ПКК в основном не стремятся к публичности в России, и только одна из них в последние два года стала завсегдатаем федеральных, региональных и локальных СМИ и обзавелась хорошим русскоязычным сайтом. В России они позиционируют себя как результат успеха российско-китайского сотрудничества, и термины «российско-китайский» и «сотрудничество» обязательно фигурируют в их официальных или неофициальных названиях, хотя лишь в одном холдинге есть вероятность участия российского капитала. При этом изучаемые ПКК масштабно представлены в китайском информационном пространстве [23. С. 148–155], чего требует вышеуказанная связь с китайским государством.

Значительные ограничения на проявления этничности накладывают механизмы интеграции в социальное пространство сёл и пригородов. Помимо обязательных формальных контактов с государственными структурами, таких механизмов три: трудоустройство российских граждан, неформальное взаимодействие с местными властями, формальные и неформальные эконо-

мические связи, необходимые для сбыта части продукции в регионе или за его пределами в России. Результаты исследований К.В. Григоричева показали, что в Иркутской области в 2008–2009 гг. группы китайских мигрантов, занимавшихся тепличным хозяйством, зарегистрированные в качестве российских компаний, были включены в социальное пространство пригородов и сёл региона только посредством трудовых отношений с местным населением и неформальным сотрудничеством с местными администрациями [24. С. 93–94]). Скорее всего, в силу большего размера изучаемые нами ПКК имели более разнообразные связи с локальным сообществом.

Больше всего нас интересует два аспекта интеграции в принимающее сообщество: наём российских граждан в качестве управляющих (генеральных директоров) компаний (оставим в стороне наём специалистов на постоянной основе (бухгалтера, механизаторы, водители и т.д.) и наём на поденную работу) и ожидания местных властей от крупных ПКК.

Назначение россиян на реальные, а не фиктивные управляющие позиции компаний, может показаться продуманным стратегическим ходом, который обеспечивает безболезненное вращение компании в социальное пространство села или города. Но такая «кадровая политика» являлась скорее исторической случайностью, которая, тем не менее, обеспечила изучаемым ПКК те позиции, которых они достигли в Приморском крае. Во всех случаях генеральные директора ПКК являлись бывшими торговыми партнёрами китайского инвестора. В одной компании первоначальный управляющий отошел от дел компании в силу состояния здоровья, на его место пришел его друг, бывший сотрудник местной администрации. Для самих управляющих этот наём условен, они воспринимают его в качестве партнерства, где китайская сторона является поставщиком финансовых ресурсов, а российская обеспечивает их текущее распределение. Соответственно российский директор занимается всей «текучкой», кроме вопросов, касающихся стратегического развития компании и той части деятельности, которая связана непосредственно с Китаем (наём рабочих, лизинг техники и экспорт продукции).

Такого управляющего хорошо знают представители местных администраций, с ним решаются все вопросы. В одном случае руководитель ПКК являлся депутатом районной думы, и после нашего интервью собирался на заседание местного отделения «Единой России». Китайские же собственники мало известны в бюрократической среде муниципалитета или села и, очевидно, даже не пытаются проникать в публичную или политическую сферу села или города. Одновременно нельзя утверждать, что определённые формальные или неформальные связи китайских собственников с руководителями местных администраций полностью отсутствуют. Как минимум, их контакт неизбежен в рамках официальных российско-китайских мероприятий.

Совершенно очевидно, что российский управляющий не будет проявлять интерес к мобилизации китайскости ни среди трудовых мигрантов, ни при внешних взаимодействиях. Более того, гендиректора жёстко отстаивали «российскую» идентичность своих компаний: «*Оно (предприятие. – С.И.) не китайское, оно российское предприятие*» (управляющий ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.); «*Да и мы тоже заинтересованы (расширять производство. – С.И.). Китайцы-то тут причём? Я за Родину беспокоюсь, чё мне китайцы?*» (управляющий филиала ПКК-3, Приморский край, июль 2014 г.).

Преимущество российского управляющего проявилось в одном из районов Приморья, в сельском хозяйстве которого работали китайский холдинг и несколько южнокорейских компаний. Местные чиновники выделяли «китайский» и «корейский» подходы к кадровой политике. Второй отличался обязательным назначением граждан Южной Кореи на руководящие должности, но комплектацией низового кадрового состава русскими. Чиновники были явно на стороне «китайской» модели: «*У китайцев все расписано. Вот пошли им просьбу предоставить план посевных площадей, какие семена будут использоваться – всё, к концу дня вам все разложили по полочкам! Корейцы – нет. Они будут вынашивать неделю-две, потом ещё добавляют “ну, возможно, будут изменения, как начальство скажет”... Китайцы очень хорошо пробивают наше законодательное всё, корейцы – вот начинаешь им про отчетность объяснять, они: “а мы этого не знали, объясните нам”. Видимо, юристы у китайцев лучше*» (интервью, руководитель отдела, районная администрация ПК, сентябрь 2014 г.). Более логичное объяснение различий в кадровой политике все же не лежит в этнической плоскости, а связано с масштабами предприятий и историей их развития. Корейские организации были меньше китайской и, очевидно, не имели такой истории отношений с партнёрами в РФ, которая позволила бы отдать управление российскому директору.

Местные власти закрывают глаза на иностранное происхождение ПКК и стремятся использовать их материальные ресурсы для улучшения социального пространства села или города. Спонсирование спортивных команд, облагораживание городской территории, отсыпка дорог или предоставление техники при ремонте теплосетей – не было ни одного района, где ПКК не оказывали поддержки. Одна из историй предоставления такой помощи особенно показательна. В 2013 г. Президент РФ обратил внимание правительства и региональных администраций на проблему нехватки фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), и краевая администрация Приморья активно откликнулась на призыв, разработав соответствующую программу. Осуществила стройку ПКК: «*Помогают. Однозначно помогают. В частности N (ПКК. – С.И.) помогает. В прошлом году... в позапрошлом, может, слышали, началась такая эпопея – программа развития здравоохранения в Приморском крае, строительство ФАПов. Взять, к примеру, населённый пункт S, там построили ФАП. Более чем полмиллиона денежных средств только*

на это потратила N» (интервью, председатель районной думы, ПК, август 2014 г.).

Управляющие ПКК не видят в подобных практиках местных властей предвзятости, так как аналогичные практики применяются ко всем компаниям сёл. Реакция на вопрос о вынужденной социальной нагрузке варьируется от «мы же здесь живём и работаем» до «ну вы же сами знаете ответ». Иногда управляющие предприятий самостоятельно обращаются в администрацию для распределения по социальным объектам своей продукции, которую не успели сбыть к сезону (интервью, управляющий ПКК-2, Приморский край, июль 2014 г.; интервью, управляющий ПКК-1, Приморский край, июль 2014 г.).

Лояльность местных властей к китайским трудовым мигрантам базируется, в том числе, и на отсутствии со стороны последних этнических/конфессиональных манифестаций: «Я считаю, что рабочая сила из ближайшего зарубежья – таджики, узбеки – это не равноценная замена с точки зрения готовности работать именно так, как это делают китайцы, с точки зрения того результата, который мы будем иметь от этой работы. Ну и плюс у меня, откровенно говоря, уже есть понимание, как китайцы ведут себя на территории. Как это будет в случае их замены узбеками, таджиками? Условно говоря, насколько... “Аллах Акбар”, слава богу, у нас ещё на перекрёстках не кричат». Российский управляющий ПКК вторит ему: «Я не вижу от китайцев никаких нарушений, они спокойные между собой, тем более по отношению к нам, значит. А вот агрессивные узбеки что тут творят. Миграционная служба на них не обращает внимания». Впрочем, директора ПКК, которые имели опыт работы с мигрантами из Средней Азии, отзывались о них в основном в нейтральных тонах, хотя и выделяя либо китайских рабочих в силу их трудолюбия, либо «русских» из-за лёгкости общения с ними.

В беседах с жителями мы не ставили задачу глубоко выяснить их представления о китайских рабочих как этнически иных, наши вопросы касались в основном форм взаимодействия мигрантов с местным населением. При описании контактов с китайскими рабочими или трудовых отношений с китайцами местные жители не использовали этнически окрашенные или националистические выражения, оценивали опыт взаимодействия в основном с экономико-бытовых позиций. Жителей сёл мало беспокоит проблема присутствия культурно инородных. Скорее всего, это связано с социальной изоляцией мигрантов – они живут в полях или в огороженных зонах, в деревне появляются редко, обычно для посещения магазинов.

В представленном анализе, возможно, было слишком много отрицаний. В последние десятилетия ни одна из социальных групп китайских предпринимателей – мелкие торговцы, натурализовавшиеся в России предприниматели средней руки, крупные бизнесмены – не проявляла интереса или не была в состоянии на долгосрочной основе войти в политическое или культурное пространство региона как консолидированная группа, обме-

нять экономический капитал на повышение своего социального статуса в России. Впрочем, полное отрицание факта китаизации региона ошибочно. Он стал неотделимой частью социальной жизни в виде феномена, созданного коллективным воображением.

Мелкие торговцы и представители среднего/крупного бизнеса в принципе не стремились закрепиться в российском обществе, связывая свою физическую миграцию или перемещение своих активов в Россию исключительно с текущими экономическими выгодами, а не перспективами личной жизни в культурно чуждой стране. Их хозяйственная деятельность всегда локализовывалась в рамках ограниченной территории, и, очевидно, эта анклавность была оптимальной «стратегией» как с экономической точки зрения, так и с точки зрения минимизации издержек нахождения в обществе,

настороженно относящемся к китайскому присутствию в регионе [25. С. 146–157].

Крупный бизнес принимал организационные решения, которые ограничивали проявления этничности, но позволяли эффективно включиться в социальное пространство принимающего сообщества и особенно его административное поле.

Представители малого бизнеса, проживавшие постоянно в России, производили попытки консолидировать китайских предпринимателей в регионе, но они не нашли поддержки среди этнического сообщества. В будущем только эта социальная группа может проявлять интерес к мобилизации китайского фактора в Приморье, однако её успешность, скорее всего, будет минимальной в силу малых размеров и разобщённости таких предпринимателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлов В.И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле // Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Оттиск, 2013. С. 211–224.
2. Ларин А.Г. Китайская миграция в России. История и современность. М. : ИДВ, 2009. 512 с.
3. Дятлов В.И. Россия: в предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.
4. Рыжова Н.П. Благовещенск: в поисках «чайнатауна» // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 17–31.
5. Козлов Л.Е. Диаспоры в региональных политических процессах Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 128–136.
6. Киреев А.А. Существует ли на Дальнем Востоке России китайская диаспора? // Ойкумена. 2013. № 4. С. 28–47.
7. Григоричев К.В., Пинигина Ю.Н. Два мира на Мира, 2: «китайский» рынок в повседневности города // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 136–153.
8. Тренин Д., Витковская Г. Введение // Перспективы Дальневосточного региона: китайский фактор. М., 1999. С. 5–8.
9. Рыжова Н.П. Трансграничный рынок в Благовещенске: формирование новой реальности деловыми сетями «челноков» // Экономическая социология : электрон. журнал. 2003. Т. 4, № 5. С. 54–71. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204959/ecsoc_t5_n4.pdf
10. Стратегия социально-экономического развития Владивостока на период до 2020 г. // Частный корреспондент. URL: <http://chaskor.ru/js/img/strateg.pdf> (дата обращения: 20.03.2012).
11. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология : электрон. журнал. 2004. Т. 5. № 4. С. 56–71. URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204959/ecsoc_t5_n4.pdf
12. Депутаты думы Уссурийского городского округа // <http://duma-ussuriisk.ru/deputies/list?page=1> (дата обращения: 25.05.2015).
13. Phillips R. Why Are Pricing Set the Way They Are // Özalp Özer, Robert Phillips (eds.). The Oxford Handbook of Pricing Management. Oxford University Press, 2012. P. 28–39.
14. Журавская Т.Н. Посетители «китайского» рынка: символическое потребление и экономия на масштабе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 10. С. 120–135.
15. Русс Н. Не расплескать свою душу // Окно в Азиатско-Тихоокеанский регион. 2014. № 2. С. 36–67.
16. Лю Жунбинь, Ван Ин. До лица, ху цзуньчжун, сян вэйлай (Понимание, взаимное уважение и устремлённость в будущее) // Хэйлунцзян цзинцзи бао. 29.08.2013. № 5976. С. 1.
17. Козлов Л.Е. Этнические общины в политическом процессе Приморского края // Международные отношения и мировая политика: азиатско-тихоокеанский регионализм : сб. науч. ст. / науч. ред. Л.Н. Гарусова; под общ. ред. Н.В. Петровой. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2011. С. 163–177.
18. Wei Li. Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethnopolis in Los Angeles // Urban Studies. 1998. Vol. 35. No. 3. С. 479–501.
19. Иванов С.А. Миграция китайского капитала и труда в Приморском крае // Ойкумена. 2014. № 4. С. 35–46.
20. Ван Ин. Сешоу хэцзо, гунчуан хуэйхуан. Фан хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйчжан ли дэминь (От сотрудничества к совместному процветанию. Интервью с председателем Хэйлунцзянской ассоциации сельскохозяйственных предприятий в России Ли Дэминем) // Хэйлунцзян цзинцзи бао. 06.09.2013. № 5994. С. B01.
21. Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй хуэйюань жу хуэй тяоцзянь (Условия вступления в Хэйлунцзянскую ассоциацию сельскохозяйственных предприятий в России). URL: http://www.hljdny.com/cn_public_html/Apply.Asp (дата обращения: 25.05.2015).
22. Хэйлунцзян шэн дуй э нуне чанье сехуэй чжанчэн (Устав Хэйлунцзянской ассоциации сельскохозяйственных предприятий в России). URL: http://www.hljdny.com/cn_public_html/Rule.Asp (дата обращения: 25.05.2015).
23. Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2015. 277 с.
24. Григоричев К.В. В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск : Оттиск, 2013. 248 с.
25. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2011. 312 с.

Ivanov Sergei A. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB, RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: 02isa02@mail.ru

CHINESE CAPITAL AS A FACTOR OF ETHNIZATION OF URBAN AND RURAL AREAS OF PRIMORSKY KRAI.

Keywords: ethnization; Chinese community; diaspora; Primorsky Krai; social space.

The article aims to answer the question if Chinese capital stimulate mobilization of ethnicity in Primorsky krai. Massive migration of Chinese entrepreneurs in 1990 – 2000s, their long-term residence and stable positions in economic field of Russian border regions could have provided fertile ground for converting economic resources into cultural or political ones. The research focuses on three groups of Chinese entrepreneurs in Primorsky krai: petty traders (including shuttle traders), owners of small enterprises and representatives of medium- and large-size business. The empirics of the paper are sociological materials including series of semi-structured interviews with officials, representatives of business and local mass media as well as short conversations with local residents and field observations. The author came to

the conclusion that none of the three studied groups of Chinese entrepreneurs took interest to or was able to penetrate into political or cultural space of the region for quite a long time, or to exchange economic resources for higher social status in Russia. Though it would be a mistake to deny the chinesation of the region as it has become a social phenomenon created by collective imagination. Petty traders and owners of medium/large-size business haven't strived to integrate in Russian society. Their physical migration or investment inflow into Russia was the result of desire for economic gains, but not for settling in culturally alien country. Their business activities usually were localized within limited territory as this enclaviness was an optimal strategy to minimize costs of living in alien society. Large-size business made organizational decisions that constrained mobilization of ethnicity but enabled effective involvement in host society, especially in its administrative field. Loyalty of Russian local authorities toward companies with Chinese investment and their Chinese labor was partially based on the abandonment of ethnical/confessional manifestations. Russian projects of Chinese middle/large-size companies were much more represented in the Chinese public space than in the Russian one as the companies depended on financial resources of PRC's state sector. Representatives of small-size business who were permanent residents in Russia made attempts to consolidate Chinese businessmen in Primorsky krai but this efforts did not meet with support of the Chinese community. In the future, only this social group will be interested in mobilizing Chinese ethnicity but their efforts most likely will gain minimal success as their economic resources are scarce and the group is divided.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. (2013) Etnizatsiya gorodskogo prostranstva: popytka opredelit'sya v issledovatel'skom pole [Ethnicization of urban space: an attempt to determine the field of research]. In: Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 211-224.
2. Larin, A.G. (2009) *Kitayskaya migratsiya v Rossii. Istoriya i sovremennost'* [The Chinese migration to Russia. History and modernity]. Moscow: IDV.
3. Dyatlov, V.I. (2008) Rossiya: v predchuvstvii chaynataunov [Russia: in anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 6-16.
4. Ryzhova, N.P. (2008) Blagoveshchensk: v poiskakh "chaynatauna" [Blagoveshchensk: in search of the "Chinatown"]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 17-31.
5. Kozlov, L.E. (2010) Diaspora v regional'nykh politicheskikh protsessakh Dal'nego Vostoka Rossii [Diaspora in regional political processes of the Russian Far East]. *Rossiya i ATR – Russia and The Pacific*. 1. pp. 128-136.
6. Kireev, A.A. (2013) Sushchestvuet li na Dal'nem Vostoke Rossii kitayskaya diaspora? [Is there the Russian Far East Chinese diaspora?]. *Oikumena*. 4. pp. 28-47.
7. Grigorichev, K.V., & Pinigina, Yu.N. (2014) Two Worlds at Mira St., 2: the "Chinese" Market in City Reality. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 10. pp. 136-153. (In Russian).
8. Trenin, D. & Vitkovskaya, G. (1999) Vvedenie [Introduction]. In: *Perspektivy Dal'nevostochnogo regiona: kitayskiy faktor* [Prospects of the Far East region: the Chinese factor]. Moscow: Carnegie Centre. pp. 5-8.
9. Ryzhova, N.P. (2003) Transboundary market in Blagoveshchensk: the formation of the new reality by the business networks of the "shuttle-traders". *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 4(5). pp. 54-71. (In Russian).
10. The City Administration of Vladivostok. (2009) *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Vladivostoka na period do 2020 g.* [Strategy for Socio-Economic Development of Vladivostok up to 2020]. [Online] Available from: <http://chaskor.ru/js/img/strateg.pdf>. (Accessed: 20th March 2012).
11. Dyatlov, V.I. & Kuznetsov, R.E. (2004) "Shanghai" in the Centre of Irkutsk. Chinese Market Ecology. *Ekonomicheskaya sotsiologiya – Economic Sociology*. 5(4). pp. 56-71. (In Russian).
12. Ussuri City Duma. (n.d.) *Deputaty dumy Ussuriyskogo gorodskogo okruga* [Deputies of the Ussuri Duma city district]. [Online] Available from: <http://duma-ussuriisk.ru/deputies/list?page=1>. (Accessed: 25th May 2015).
13. Phillips, R. (2012) Why Are Pricing Set the Way They Are. In: Özer, Ö. & Phillips, R. (eds) *The Oxford Handbook of Pricing Management*. Oxford University Press. pp. 28-39.
14. Zhuravskaya, T.N. (2014) Visitors of the "Chinese" Market: Symbolic Consumption and Economies of Scale. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie" – The Bulletin of Irkutsk State University. Politology. Religion Studies*. 10. pp. 120-135. (In Russian).
15. Russ, N. (2014) Ne rasplekat' svoyu dushu [Do not spill your soul]. *Okno v Aziatsko-Tikhookeanskiy region*. 2. pp. 36-37.
16. Liu, Zh. & Wang, Y. (2013) Do litsze, khu tszun'chzhun, syan veylay [Understanding, mutual respect and aspiration for the future]. *Heilongjiang Jinji bao*. 29th August. № 5976. p. 1.
17. Kozlov, L.E. (2011) Etnicheskie obshchiny v politicheskom protsesse Primorskogo kraya [Ethnic communities in the political process of Primorsky Krai]. In: Petrova, N.V. & Garusova, L.N. (eds) *Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika: aziatsko-tikhookeanskiy regionalizm* [International Relations and World Politics: Asia-Pacific regionalism]. Vladivostok: VSUES. pp. 163-177.
18. Wei, L. (1998) Anatomy of a New Ethnic Settlement: The Chinese Ethn suburb in Los Angeles. *Urban Studies*. 35 (3). pp. 479-501. DOI: 10.1080/0042098984871
19. Ivanov, S.A. (2014) Migratsiya kitayskogo kapitala i truda v Primorskom krae [The migration of Chinese capital and labor in the Primorsky district]. *Oikumena*. 4. pp. 35-46.
20. Wang, Y. (2013) Seshou khetszo, gunchuan khueykhuan. Fan kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey khueychzhan li demin' [From cooperation to common prosperity. An interview with the chairman of the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia Li Deming]. *Heilongjiang Jinji bao*. 6th September. № 5994.
21. China and Russia Agricultural Cooperative Association in Heilongjiang Province. (n.d.) *Kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey khueyyuan' zhu khuey tyaoztzyan'* [Requirements for joining the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia]. [Online] Available from: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Apply.Asp (Accessed: 25th May 2015).
22. China and Russia Agricultural Cooperative Association in Heilongjiang Province. (n.d.) *Kheylyuntszyan shen duy e nune chan'e sekhuey chzhanchen* [Charter of the Heilongjiang association of agricultural enterprises in Russia]. [Online] Available from: http://www.hljdeny.com/cn_public_html/Rule.Asp (Accessed: 25th May 2015).
23. Ivanov, S.A. (2015) *Uchastie vlastey provintsii Kheylyuntszyan v rossiysko-kitayskom ekonomicheskoy sotrudnichestve* [The participation of the authorities of Heilongjiang Province in the Russian-Chinese economic cooperation]. History Cand. Diss. Vladivostok.
24. Grigorichev, K.V. (2013) *V teni bol'shogo goroda: sotsial'noe prostranstvo prigoroda* [In the shadow of the big city: the social space of the suburbs]. Irkutsk: Ottisk.
25. Larin, V.L. & Larina, L.L. (2011) *Okruzhayushchiy mir glazami dal'nevostochnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavleniy na rubezhe XX–XXI vekov* [The world around us through the eyes of the Far East: the evolution of attitudes and perceptions at the turn of the 20th–21st centuries]. Vladivostok: Dal'nauka.